

Типология «точечных» контактных локализаций в уральских и алтайских языках (на материале корпуса переводов Нового Завета)

Д. А. Парамонова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); dashparamonova@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-3963-2933

Аннотация. В статье приведены результаты исследования контактных глаголов и выбора маркирования точки приложения в составе контактных конструкций «точечного» типа (например, ‘коснуться руки’) на материале корпуса переводов Нового Завета. Для описания связи между выбором стратегии маркирования и семантикой глагола была разработана градуальная классификация, основанная на степени интенсивности контакта и силе его воздействия на объект (гипотетический «контактный» континуум). Были проанализированы данные пяти уральских и пяти алтайских языков. Для каждого языка были описаны стратегии маркирования точки приложения при предикатах различных классов и определена степень релевантности типа контакта.

Ключевые слова: точка приложения, уральские языки, алтайские языки, корпусная лингвистика.

A typology of ‘pinpoint’ contact localizations in Uralic and Altaic languages (based on the corpus of New Testament translations)

Daria A. Paramonova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);
dashparamonova@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-3963-2933

Abstract. This article provides the results of a corpus research focused on a semantic feature of verbs which describe physical contact localization and on the way this feature may affect the case marking of object noun phrases in physical contact constructions. The marking strategies used in such constructions are labeled ‘pinpoint’ contact localization. The study addressed contexts that include a contact verb and its localization point (e.g., ‘touch the hand’). A corpus of the New Testament translations (four canonical gospels, *The Acts of the Apostles*, and *The Book of Revelation*) was chosen as the main research instrument and the source of the study material. The numbers of the contexts selected in the different translations range between 28 to 31. The analysis was carried out for five Uralic (Finnish, Hungarian, Karelian, Meadow Mari and Erzya) and five Altaic (Turkish, Balkar, Yakut, Kalmyk and Chuvash) languages. The study found contact intensity to be an important feature in the total picture of contact localization. As an instrument to describe the connection between the marking strategy and verb semantics, I developed a gradual classification based on a hypothetical contact continuum taking into account the degree of contact intensity and the scale of its impact on the object. The classification distinguishes three types of contact. The first type labeled as ‘Loose contacts’ includes verbs describing low-intensity actions that do not produce a significant impact on the object (the core of the ‘pinpoint’ contact localization). They are most often verbs of touching or kissing. The verbs relegated to the second type are labeled ‘Tight contacts’ and can be defined as describing the actions of grabbing or hugging. Placed at the bottom line of the scale are ‘Deforming contacts’ which seemingly inflict significant changes on the object of the contact like all kinds of verbs describing the acts of punching or biting. The paper describes the marking strategies for all types of contact employed by each of the languages addressed and determines the relevance of every identified type of contact in accordance with the proposed semantic continuum.

Keywords: contact point, Uralic languages, Altaic languages, corpus linguistics.

1. Введение

Среди относительно мало изученных семантических ролей можно выделить роль объекта, с которым осуществляется физический контакт (разной степени интенсивности — в диапазоне от прикосновений

до ударов; в качестве примеров можно привести русские глаголы *касаться, хватать, бить* и проч.). При всей важности этой группы значений, пока, насколько нам известно, не предпринималось детальных типологических исследований моделей их выражения в языках мира. Отдельные работы посвящены управлению некоторыми контактными глаголами, например, в [Levin 2012] описывается маркирование точки приложения, то есть ИГ (именной группы), называющей объект, с которым происходит контакт, при предикатах со значением 'бить' в языках мира). При этом в типологической литературе понятие «контактных локализаций» (способов маркирования точки приложения) зачастую покрывает достаточно разнородные явления. Так, в [Ганенков 2005: 112] под данным термином понимаются два типа именных показателей с пространственным значением. В описательной практике они известны под условными семантическими ярлыками INTER в аморфном веществе (*хлеб упал в воду*) и CONT в контакте с ориентиром (*на стене висит рисунок*). Мы сосредоточимся на втором типе конструкций, включающих при этом предикат с семантической физической контактом.

Для описания контекстов с точечными контактными локализациями, под которыми мы понимаем стратегии маркирования точки приложения при предикатах физического контакта, нами была разработана градуальная классификация, основанная на степени интенсивности контакта и силе его воздействия на объект (гипотетический «контактный континуум»). Как представляется, по признаку интенсивности контакта (семантически наиболее важному) целесообразно различать три основных класса контекстов:

- **Слабый контакт** (Loose contact) — конструкции с глаголами прикосновений, которые не влекут за собой какие-либо физические изменения объекта или его перемещение в пространстве: *касаться одежды, целовать ноги*;
- **Плотный контакт** (Tight contact) — конструкции, описывающие более интенсивное воздействие на объект, потенциально способное привести к изменению его положения в пространстве: *взять за руку, ухватиться за ноги*;

- **Деформирующий контакт** (Deforming contact) — конструкции с «деструктивной» семантикой, в которых описывается существенное воздействие на объект, изменение его состояния, часто причинение физического вреда: *ударить по голове*.

В настоящей статье мы опишем способы оформления ИГ со значением точки приложения и проверим гипотезу о влиянии степени интенсивности контакта (и в целом семантики контактного глагола) на выбор стратегии маркирования, а также предложим наименования стратегий маркирования (например, пациентивно-целевая, если в языке контактная локализация при предикатах двух типов маркируется показателем пациенса в данном языке, а контактная локализация при предикатах третьего типа — показателем цели).

В качестве материала и одновременно инструмента исследования, в соответствии с уже достаточно хорошо зарекомендовавшей себя практикой ([Haspelmath 1997; Dahl, Wälchli 2016] и мн. др.), был использован параллельный корпус переводов Нового Завета: Евангелие от Матфея (Мф.), Евангелие от Марка (Мк.), Евангелие от Луки (Лк.), Евангелие от Иоанна (Ин.), Деяния святых апостолов (Деян.) и Откровение Иоанна Богослова (Откр.) (см. подробнее о методике [Плунгян, наст. сб.]). Были размечены контексты пяти уральских (финский [ФПБ], карельский [КарПБ], эрзянский [ЭПБ], луговой марийский [МПБ], венгерский [ВПБ]) и пяти алтайских (турецкий [ТПБ], балкарский [БПБ], якутский [ЯПБ], чувашский [ЧПБ], калмыцкий [КалПБ]) языков.

Различные типологические описания моделей управления, такие как проект ValPal (Leipzig Valency Classes Project), результаты которого представлены в [Hartmann et al. 2013; Malchukov, Comrie 2015], и проект «Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках» под руководством С. С. Сая [Сай (ред.) 2018], хотя и содержат релевантную информацию по теме исследования (в них описаны модели управления некоторых контактных глаголов, например, *бить* и *касаться*), не включают статьи по нескольким (в случае с ValPal по всем) анализируемым языкам, а потому в настоящем исследовании подробно не рассматриваются. Отметим также,

что данные, представленные в проекте С. С. Сая, не всегда совпадают с данными корпусного материала. Это связано прежде всего со спецификой анализируемых контекстов: в центре нашего внимания находятся в том числе конструкции с расщепленным посессором, под которым понимается частный случай расщепления валентности, то есть «представления одной валентности слова А ⟨...⟩ с помощью двух соподчиненных А словоформ» [Апресян 1974: 154] (вместо *схватил [его руку]* получаем *схватил [его] [за руку]*). Наличие расщепленного посессора подразумевает особую актантную структуру соответствующего контактного предиката (см., например, [Тестелец 2001: 429–430]), тогда как проект С. С. Сая включает в себя анализ исключительно двухместных предикатов, поэтому не является подходящим источником для настоящего исследования.

В *Разделе 2* мы обсудим процесс отбора и классификации контактных контекстов. В *Разделах 3 и 4* представлены результаты анализа стратегий маркирования в уральских и алтайских языках соответственно. Заключительный *Раздел 5* содержит выводы относительно релевантности типа контакта как параметра выбора маркирования «точечных» контактных локализаций в каждом из языков.

2. Отбор контекстов

Для анализа «точечных» контактных локализаций были отобраны контексты, имеющие следующую структуру: «контактный» предикат (или предикат с «контактным» значением в данном контексте, например, пал на шею) + ИГ с ролью точки приложения (например, ‘взять за руку’, ‘прикоснуться к одежде’, ‘помазать глаза’ и др.). При разметке каждого контекста, помимо характеристики типа контакта, учитывался предлог / послелог (его отсутствие также фиксировалось), падеж и собственно глагол.

Изначально отбор контекстов осуществлялся на материале русского Синодального перевода (итоговое количество контекстов — 32, см. *Приложение*) и лишь затем добавлялись тексты соответствующих

стихов на исследуемых языках. Из-за различий в переводе некоторые контексты утрачивали важные составляющие контактных конструкций, поэтому количество размеченных контекстов различается для разных языков в нашей выборке. Например, вместо контактной конструкции *пал ему на шею* [Лк. 15:20] в русском тексте в балкарском переводе используется выражение *аны къучакъл-ан* (он.АСС обнять-СВ) ‘обняв его’: такой контекст не содержит точки приложения, и в дальнейшем не анализируется.

Итоговое количество контекстов в венгерском, эрзянском, балкарском и калмыцком составило 31 (отсутствуют [Лк. 22:64] в венгерском и калмыцком, [Лк. 15:20] в эрзянском и балкарском), в карельском, луговом марийском и якутском — 30 (отсутствуют [Мк. 14:65; Лк. 15:20] в карельском, [Мк. 14:65; Ин. 18:22] в луговом марийском и [Мк. 8:23; Ин. 18:22] в якутском), в турецком — 29 (отсутствуют [Мк. 14:65; Лк. 22:64; Ин. 18:22]), в финском и чувашском — 28 (отсутствуют [Мф. 28:9; Мк. 14:65; Лк. 22:64; Ин. 18:22] в финском и [Лк. 7:45, 15:20, 18:13; Деян. 23:19] в чувашском).

Несмотря на сравнительно небольшой объем выборки, контексты равномерно распределены по трем типам контакта, что позволяет охватить значительную часть глаголов, имеющих контактную семантику и вписывающихся в нашу классификацию (8 контекстов с деформирующим типом контакта, 9 — с плотным и 14 — со слабым на материале русского языка). Таким образом, мы можем формулировать предварительные обобщения, которые затем можно будет проверить на более объемных выборках контекстов с предикатами контакта, и делать выводы относительно устройства систем маркирования «точечных» контактных локализаций на основе собранных корпусных данных, поскольку мы анализируем наиболее употребительные и иллюстративные контактные предикаты (‘касаться’, ‘взять / хватать’ и ‘бить’).

Далее мы обсудим конкретные данные, полученные для каждого из языков в результате анализа корпусного материала, опишем основные стратегии маркирования в терминах семантических ролей и сделаем вывод относительно того, как семантика глагола может влиять на выбор того или иного падежа или адлога для ИГ, играющей роль контактной локализации. Изначально контексты были

разделены на группы по семантическим классам глаголов на материале русского языка (см. *Таблицу 1*), а затем аналогичное разбиение было принято и для остальных анализируемых языков (см. *Таблицы 2–6* и *Таблицы 8–12* ниже).

Таблица 1. Разделение контактных глаголов на семантические классы

Таблица 1. Division of contact verbs into semantic classes

Класс	Маркирование	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	к + DAT	<i>прикоснуться</i> , 8	<i>одежда</i> , 4; <i>край (одежды)</i> , 3; <i>глаза</i> , 1;	8
	GEN	<i>коснуться</i> , 5	<i>рука</i> , 1 <i>глаз</i> , 1 <i>язык</i> , 1 <i>край одежды</i> , 1 <i>ухо</i> , 1	5
	ACC	<i>целовать</i> , 1	<i>ноги</i> , 1	1
Tight	за + ACC	<i>взять</i> , 8	<i>рука</i> , 8	8
		<i>ухватиться</i> , 1	<i>ноги</i> , 1	1
	на + ACC	<i>пасть</i> , 1	<i>шея</i> , 1	1
Deform	по + DAT	<i>ударить</i> , 3	<i>щека</i> , 2 <i>лицо</i> , 1	3
		<i>бить</i> , 3	<i>голова</i> , 3	3
	в + ACC	<i>ударить</i> , 2	<i>щека</i> , 1 <i>грудь</i> , 1	2

Обнаруженные несовпадения в типах контактных глаголов между языками, как правило, связаны с различиями в переводе. Так, стих [Мф. 8:15] в калмыцком языке содержит в себе глагол со значением ‘схватить’ (1), в остальных же языках используется глагол слабого контакта вроде ‘коснуться’ (ср. русский Синодальный перевод: ‘и коснулся руки ее’). Таким образом, необходимо отнести данный конкретный контекст в калмыцком переводе к другой группе.

КАЛМЫЦКИЙ

- (1) *Исус терү-нә һар-и-нь авх-ла*
 Иисус она-GEN рука-ACC-POSS.3 хватать-REM
 ‘Иисус схватил ее руку’. [Мф. 8:15]

Обратная ситуация наблюдается с [Мф. 28:9] в калмыцком (2): плотный контакт был заменен слабым, употребляется глагол ‘тро-нуть’ вместо ожидаемого ‘взять/схватить’ (ср. русский Синодаль-ный перевод: ‘ухватились за ноги’).

КАЛМЫЦКИЙ

- (2) *кәл-д-нь һар-ан күрг-эд*
 нога-DAT-POSS.3 рука-REFL.ACC вести-CVB
 ‘коснулись его ног’ [Мф. 28:9]

Таким образом были размечены контексты на каждом из приведенных выше языков, после чего был произведен сравнительный анализ. При этом полный учет корпусного материала показывает неоднородность средств выражения контактного значения даже внутри выделенных классов и наличие ряда конкурирующих (хотя и менее частотных) стратегий. Изучение возможных причин возникновения конкурирующих стратегий и/или побочных вхождений, в которых избирается маркирование, отличное от наиболее частотного, выходит за рамки нашего исследования, основной целью которого было обнаружение и описание связи между семантическим классом глагола и выбором маркирования точки приложения. Таким образом, анализировалась наиболее частотная стратегия маркирования.

3. Стратегии маркирования контактов в уральских языках

Ниже приведен анализ данных пяти уральских языков: финского, карельского, венгерского, лугового марийского и эрзянского. В грамматиках этих языков ([Елисеев 1993] для финского,

[Зайков 1999] для карельского, [Майтинская 1995] для венгерского, [Коведяева 1976] для лугового марийского, [Коляденков, Цыганов 1949] для эрзянского) идея взаимосвязи выбора стратегии маркирования и семантики глагола подробно не обсуждается (доступны лишь отдельные примеры в разделах про падежи, но сами модели управления и их связь с глагольной семантикой остаются неописанными). Но есть отдельные статьи с релевантной информацией для некоторых языков. Так, работа [Давидюк, Студеникина 2019], посвященная горномарийскому языку, содержит ценные наблюдения относительно послеложного управления в конструкциях со значением точки приложения, аналогичным образом устроенного и в луговом марийском.

Стратегии маркирования «точечных» контактов в **финском** языке представлены в *Таблице 2*.

Таблица 2. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в финском языке

Table 2. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Finnish

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	PART	<i>koskettaa</i> ‘трогать’, 12	<i>tupsu</i> ‘кисточка’, 4 <i>silmä</i> ‘глаз’, 2 <i>vaate</i> ‘одежда’, 2 <i>käsi</i> ‘рука’, 1 <i>viitta</i> ‘плащ’, 1 <i>kieli</i> ‘язык’, 1 <i>korva</i> ‘ухо’, 1	13
		<i>suudella</i> ‘целовать’, 1	<i>jalka</i> ‘нога’, 1	
	ILL	<i>koskea</i> ‘касаться’, 1	<i>vaate</i> ‘одежда’, 1	1
Tight	EL	<i>ottaa</i> ‘брать’, 4	<i>käsi</i> ‘рука’, 4	7
		<i>tarttua</i> ‘взять’, 3	<i>käsi</i> ‘рука’, 3	
	ILL	<i>tarttua</i> ‘взять’, 1	<i>käsi</i> ‘рука’, 1	1
	PART	<i>heittäytyä</i> ‘бросаться’, 1	<i>kaula</i> ‘шея’, 1	1

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Deform	ILL	<i>lyödä</i> ‘ударить’, 3	<i>pää</i> ‘голова’, 2 <i>rinta</i> ‘грудь’, 1	3
	ALL	<i>lyödä</i> ‘ударить’, 2	<i>poski</i> ‘щека’, 2	2

Можно сделать вывод, что для финского языка наиболее характерным способом оформления объекта слабого контакта является партитив (3), что типично для многих языков (ср. [Luraghi, Nuomo 2014]), объекта плотного контакта — элатив (4), а объекта деформирующего контакта — две конкурирующие стратегии, иллативная и аллативная (5). Стратегия маркирования контактов, характерная для финского языка, была названа нами **дифференцирующей**, поскольку все три типа контактов маркируются разными падежами:

- (3) *koske-tt-i-∅* *hän-en* *kät-tä-än*
касаться-CAUS-IMPF-3SG он-GEN рука-PART-POSS.3SG
‘коснулся ее руки’ [Мф. 8:15]
- (4) *ott-i-∅* *hän-tä* *käde-stä*
брать-IMPF-3SG он-PART рука-EL
‘взял ее за руку’ [Мк. 1:31]
- (5) а. *lö-i-vät* *Jeesus-ta* <...> *pää-hän*
ударить-IMPF-3PL Иисус-PART голова-ILL
‘ударили Иисуса по голове’ [Мк. 15:19]
- б. *lyö-∅* *sinu-a* *poske-lle*
ударить.PRS-3SG ты-PART щека-ALL
‘ударит тебя по щеке’ [Лк. 6:29]

Встречаются вхождения контекстов с маркированием, отличным от наиболее частотного. Так, наблюдается иллатив у глагола плотного контакта *tarttua* ‘взять’ в ситуации с генитивным посессором (6). Обычно данный глагол управляет элативным дополнением при партитивном посессоре (в данных контекстах мы наблюдаем расщепление посессора), как в (7).

- (6) *tarttu-i-Ø* *tyttö-n* *käte-en*
 взять.IMPФ-3SG девочка-GEN рука-ILL
 ‘взял руку девушки’ [Мф. 9:25]
- (7) *tarttu-i-Ø* *poika-a* *käde-stä*
 взять.IMPФ-3SG сын-PART рука-EL
 ‘взял юношу за руку’ [Мф. 9:27]

В некоторых случаях глагол *lyödä* ‘ударить’ может управлять не иллативом, а аллативом в контекстах с расщеплением посессора. В роли точки приложения в аллативных контекстах выступает *poski* ‘щека’ (56).

Стратегии маркирования «точечных» контактов в карельском языке приведены в *Таблице 3*.

Таблица 3. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в карельском языке

Table 3. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Karelian

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	PART	<i>košettua</i> ‘трогать’, 7	<i>helma</i> ‘подол’, 3 <i>šilmä</i> , ‘глаз’, 2 <i>käsi</i> ‘рука’, 1 <i>kieli</i> ‘язык’, 1	14
		<i>šilitellä</i> ‘гладить’, 1	<i>jalka</i> ‘нога’, 1	
	ILL	<i>košettua</i> ‘трогать’, 6	<i>sviitku</i> ‘платье’, 3 <i>helma</i> ‘подол’, 1 <i>korva</i> ‘ухо’, 1 <i>vuate</i> ‘одежда’, 1	
Tight	EL	<i>ottua</i> ‘взять’, 7	<i>käsi</i> ‘рука’, 7	7
	PART	<i>sevätä</i> ‘обнять’, 1	<i>jalka</i> ‘нога’, 1	1
	ILL	<i>tarttuo</i> ‘схватить’, 1	<i>käsi</i> ‘рука’, 1	1
Deform	PART	<i>lyyvvä</i> ‘бить’, 5	<i>korva</i> ‘ухо’, 2 <i>piä</i> ‘голова’, 2 <i>rinta</i> ‘грудь’, 1	5
	<i>vaššen</i> ‘против’	<i>lyyvvä</i> ‘бить’, 2	<i>näkö</i> ‘лицо’, 2	2

Таким образом, слабые контакты (8) и деформирующие контакты (9) оформляются в основном с помощью партитива (при этом для слабых контактов существует конкурирующая иллативная стратегия маркирования); плотные контакты (10) маркируются с помощью элатива. Перед нами **пациентивно-начальная**¹ стратегия маркирования, конкурирующая с **дифференцирующей**.

(8) *košett-i-Ø* *naise-n* *kät-tä*
 трогать-IMPF-3SG женщина-GEN рука-PART
 ‘коснулся руки женщины’ [Мф. 8:15]

(9) *lyöt-i-h* *Hän-tä* ⟨...⟩ *piä-h*
 бить-IMPF-3PL он-PART голова-ILL
 ‘били Его по голове’ [Мк. 15:19]

(10) *ott-i-Ø* *hän-tä* *kiä-štä*
 брать-IMPF-3SG он-PART рука-EL
 ‘взял ее за руку’ [Мк. 1:31]

Мы наблюдаем похожую ситуацию с расхождениями в маркировании, что и на материале финского языка: встречается маркированная партитивным послелогом *vaššen* ИГ ‘лицо’ при глаголе *lyuvvä* ‘бить’:

(11) *lyöti-h* *näky-ö* *vaššen*
 бить.IMPF-3PL лицо-PART против
 ‘били по лицу’ [Лк. 22:64]

Стратегии маркирования контактных контекстов в **венгерском** языке и статистика для них представлены в *Таблице 4* (в качестве словарной формы глаголы используется основа 3 лица единственного числа).

¹ Здесь и далее, если название стратегии состоит из двух частей, первая из них описывает маркирование, характерное для двух из трех типов контактов, а вторая определяет маркирование оставшегося класса.

Таблица 4. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в венгерском языке

Table 4. Marking strategies of the 'pinpoint' contact localizations in Hungarian

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	ACC	<i>érint</i> 'касаться', 13	<i>ruha</i> 'платье', 4 <i>szegély</i> 'край', 4 <i>szem</i> 'глаз', 2 <i>kéz</i> 'рука', 1 <i>nyelv</i> 'язык', 1 <i>fül</i> 'ухо', 1	14
		<i>csók</i> 'целовать', 1	<i>láb</i> 'стопа', 1	
Tight	ACC	<i>fog</i> 'братъ', 6	<i>kéz</i> 'рука', 6	7
		<i>ragad</i> 'хватать', 1	<i>láb</i> 'стопа', 1	
	AD	<i>fog</i> 'братъ', 1	<i>kéz</i> 'рука', 1	1
	SUPER	<i>fog</i> 'братъ', 1	<i>kéz</i> 'рука', 1	1
	ILL	<i>borul</i> 'припасть', 1	<i>nyak</i> 'шея', 1	1
Deform	ACC	<i>ver</i> 'бить', 2	<i>fej</i> 'голова', 1 <i>mell</i> 'грудь', 1	3
		<i>megüt</i> 'ударить', 1	<i>arc</i> 'лицо', 1	
	ESS.MOD	<i>üt</i> 'бить', 2	<i>arc</i> 'лицо', 2	3
		<i>csapdos</i> 'шлепать', 1	<i>arc</i> 'лицо', 1	
	ALL	<i>ver</i> 'бить', 1	<i>fej</i> 'голова', 1	1

Стратегия маркирования, которую мы наблюдаем в венгерском языке, — аккузатив для слабых (12) и плотных (13) контактов (класс слабых контактов при этом является **гомогенным**, т. е. представлен одной и той же стратегией маркирования во всех найденных контекстах), а также две конкурирующих стратегии, аккузативная (14а) и эссивная (маркирование с помощью особого падежа венгерского языка, образующего наречия, — эссива-модалиса) (14б), для деформирующих контактов. Такая стратегия маркирования была названа **общепациентивной** (в связи с наличием конкурирующей эссивной

стратегии маркирования деформирующих контактов ее также можно считать **пациентивно-депиктивной**):

(12) *meg-érint-ett-e* *a szem-ük-et*
 PERF-касаться-PST-3SG.OBJ DEF глаз-POSS.3PL-ACC
 ‘прикоснулся к их глазам’ [Мф. 20:34]

(13) *meg-fog-t-a* *a kez-é-t*
 PERF-брать-PST-3SG.OBJ DEF рука-POSS.3SG-ACC
 ‘взял ее руку’ [Мк. 1:31]

(14) а. *ver-t-ék* *fej-é-t*
 бить-PST-3PL.OBJ голова-POSS.3SG-ACC
 ‘били по его голове’ [Мк. 15:19]

б. *arc-ul* *üt-Ø*
 лицо-ESS.MOD бить-PRS.3SG
 ‘бьет по лицу’ [Мф. 5:39]

В случае с венгерским сложно объяснить, чем обусловлены единичные вхождения контекстов, маркированных менее частотным падежом (адессив и суперэссив у плотных контактов, аллатив у деформирующих). Связи между наличием или отсутствием посессора, его расщепленностью и выбором стратегии маркирования не обнаружено; зависимость стратегии маркирования от падежа посессора при его наличии также отсутствует.

Обобщение статистики по стратегиям оформления контактных локализаций в **луговом марийском** представлены ниже в *Таблице 5* (с. 211).

В луговом марийском наблюдается следующая ситуация: элативный послелог *гыч* маркирует точку приложения при некоторых глаголах контакта. Аналогичная ситуация описывается в работе [Давидюк, Студеникина 2019], посвященной горномарийскому языку. В ней выдвигается гипотеза о том, что значение точки приложения развивается у элативного показателя из значения электива (‘один из нескольких’) (15), предполагающего, что часть, с которой осуществляется контакт, выбирается как бы из целого множества, обозначенного ИГ

Таблица 5. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в луговом марийском

Table 5. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Meadow Mari

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	ACC	тўкалташ ‘тронуть’, 10	вургем ‘одежда’ 2 тўр ‘край’, 2 шинча ‘глаз’, 2 кид ‘рука’, 1 урвалте ‘подол’, 1 пылыш ‘ухо’, 1 йылме ‘язык’, 1	11
			шутишалаш ‘целовать’, 1	
	ILL	тўкнаш ‘коснуться’, 2	вургем ‘одежда’ 2	2
	де-к(е) ‘у-ILL2’	тўкнаш ‘коснуться’, 1	урвалте ‘подол’, 1	1
Tight	гыч ‘EL’	кучаиш ‘взять’, 5	кид ‘рука’, 5	7
		налаиш ‘взять’, 1	кид ‘рука’, 1	
		өндалаиш ‘обнимать’, 1	йол ‘нога’, 1	
	ACC	кучаиш ‘взять’, 2	кид ‘рука’, 2	3
өндалаиш ‘обнимать’, 1		йол ‘нога’, 1		
Deform	гыч ‘EL’	кыраиш ‘бить’, 3	вуй ‘голова’, 2 он ‘грудь’, 1	5
		соваиш ‘дать пощечину’, 2	шўргө ‘лицо’, 2	
	ACC	соваиш ‘дать пощечину’, 1	шўргө ‘лицо’, 1	1

в роли точки приложения, находящейся в позиции прямого объекта, см. [Давидюк, Студеникина 2019: 1].

- (15) *выч тәрелкә гыч ик-ты-жы пыдырг-ен*
 пять тарелка EL одна-FULL-POSS.3SG биться-pret
 ‘из пяти тарелок одна разбилась’ [Давидюк, Студеникина 2019: 4]

Точку приложения также маркирует иллативный послелог *дек(е)*:

- (16) *Туд-ын вургем урвалт-ыж де-ке тўкн-аш*
 он-GEN одежда подол-POSS.3SG у-ILL2 касаться-INF
 ‘коснуться края его одежды’ [Мк. 6:56]

Перечень контекстов, в которых встречаются вышеупомянутые послелогои, доступен в [Студеникина, рукопись: 11–15]. Послелог *гыч*, как и горномарийский *гбѝц*, маркирует начальную точку. Послелог *дек(е)*, в свою очередь, маркирует конечную точку и имеет форму непродуктивного иллатива (что обозначается цифрой «2» в глоссе).

При этом стратегия маркирования с послелогом *гыч* оказывается основной для плотного (17) и деформирующего (18) типа контактов. Для слабых контактов, как и в венгерском языке, характерно аккузативное маркирование (19). Такая стратегия описывается нами как **исходно-пациентивная**, учитывая семантику послелога *гыч*:

- (17) *кид-ше гыч куч-ен-Ø*
 рука-POSS.3SG EL взять-PST-3SG
 ‘взял за руку’ [Мф. 9:25]
- (18) *вуй-жо гыч кыр-ен-ыт*
 голова-POSS.3SG EL бить-PST-3PL
 ‘били по его голове’ [Мф. 27:30]
- (19) *туд-ын кид-ш-ым тўкалт-ен-Ø*
 она-GEN рука-POSS.3SG-ACC тронуть-PST-3SG
 ‘коснулся ее руки’ [Мф. 8:15]

Единственное вхождение аккузатива при предикате деформирующего класса — это стих [Мф. 5:39]:

- (20) *тый-ын пурла шўрг-ет-ым сов-а*
 ты-GEN правый лицо-POSS.2SG-ACC дать_пощечину-NPST.3SG
 ‘ударит по твоей правой щеке’ [Мф. 5:39]

Анализ контекстов для **эрзянского** языка представлен в *Таблице 6*.

Таблица 6. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в эрзянском языке

Table 6. Marking strategies of the 'pinpoint' contact localizations in Erzya

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	GEN	<i>токамс</i> 'тронуть', 10	<i>оршамо</i> 'одежда', 3 <i>сельме</i> 'глаз', 2 <i>цёко</i> 'кисточка', 2 <i>кедь</i> 'рука', 1 <i>кель</i> 'язык', 1 <i>пиле</i> 'ухо', 1	11
		<i>палсемс</i> 'расцеловать', 1	<i>пильге</i> 'нога', 1	
	ILL	<i>токамс</i> 'тронуть', 3	<i>цёко</i> 'кисточка', 2 <i>оршамо</i> 'одежда', 1	3
Tight	ABL	<i>саемс</i> 'взять', 8	<i>кедь</i> 'рука', 8	8
	GEN	<i>кутмордамс</i> 'обнять', 1	<i>пильге</i> 'нога', 1	1
Deform	<i>ланга</i> 'верх.PROL'	<i>чавомс</i> 'бить', 4	<i>пря</i> 'голова', 2 <i>чама</i> 'щека', 2	7
		<i>риштямс</i> 'ударить', 2	<i>чамаумарь</i> 'щека', 2	
		<i>вачкодемс</i> 'ударить', 1	<i>чама</i> 'щека', 1	
	ILL	<i>вачкодемс</i> 'ударить', 1	<i>меште</i> 'грудь', 1	1

В эрзянском языке встретилось несколько контекстов с реляционным существительным *ланга* 'верх, поверхность' в форме пролатива, а одним из наиболее часто встречающихся падежей является генитив, способный маркировать прямое дополнение.

Генитив оформляет бóльшую часть контекстов со слабыми контактами (21), для плотных контактов характерно аблативное маркирование (22), а для деформирующих — конструкция с реляционным именем *ланга* (23). Перед нами, как и в случае с финским, **дифференцирующая** стратегия маркирования контактных локализаций:

- (21) *ток-изе* *ава-нтъ* *кед-ензэ*
касаться-PST.3SG.O.3SG.S женщина-DEF.SG.GEN рука-POSS.3SG.GEN
'коснулся руки женщины' [Мф. 8:15]
- (22) *са-изе* *сонзэ* *кед-те*
взять-PST.3SG.O.3SG.S она.GEN рука-ABL
'взял ее руку' [Мк. 1:31]
- (23) *вачкод-изе* *Сонзэ* *чама* *ланга*
ударить-PST.3SG.O.3SG.S он.GEN щека верх.PROL
'ударил Его по щеке' [Ин. 18:22]

Некоторые рассмотренные эрзянские конструкции могут включать в себя расщепление посессора — можно предположить, что в примерах типа (24) с иллативной ИГ при предикате слабого контакта *токамс* 'тронуть' генитив на местоимении *сонзэ* 'он(а).GEN' маркирует прямое дополнение, а не обладателя.

- (24) *тока-в-ан* *куш* *Сонзэ* *оршамо-с*
касаться-PASS-NPST.1SG хоть он.GEN одежда-ILL
'только прикоснусь к одежде его' [Мф. 9:21]

Для рассмотренных уральских языков мы наблюдаем однозначную зависимость в отношении маркирования тех контактов, которые мы отнесли к классу слабых: для них характерно маркирование, типичное для прямых объектов (аккузатив, партитив, генитив). Для деформирующих контактов в финском и карельском оказывается актуальной направленность действия, что выражается в иллативном падежном маркировании соответствующих контекстов. В луговом марийском используется элативный послелог. Единообразия не наблюдается в маркировании класса плотных контактов: каждый язык выбирает свою индивидуальную стратегию, в основном присутствуют показатели исходной точки — аблатив и элатив. Использование элативных показателей при контактных глаголах нетривиально (значение точки приложения отчасти противоположно базовому значению элатива 'движение, направленное из вместилища наружу'), как уже было отмечено выше, например, для горномарийского; тем

не менее ниже мы обнаружим аналогичную тенденцию для алтайских языков: основной стратегией маркирования плотных контактов в них является аблатив. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в уральских языках резюмированы в *Таблице 7*.

Таблица 7. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в уральских языках

Table 7. Marking strategies for ‘pinpoint’ contact localizations in Uralic languages

Язык	Слабый	Плотный	Деформирующий
финский	PART (13/14)	EL (7/9)	ILL (3/5), ALL (2/5)
карельский	PART (8/14)	PART (9/10)	PART (5/7)
венгерский	ACC (14/14)	ACC (7/10)	ACC (3/8), ESS (3/8)
луговой марийский	ACC (11/14)	<i>гыч</i> ‘EL’ (7/10)	<i>гыч</i> ‘EL’ (5/6)
эрзянский	GEN (11/14)	ABL (8/10)	<i>ланга</i> ‘ВЕРХ.PROL’ (7/8)

4. Стратегии маркирования в алтайских языках

В грамматиках анализируемых алтайских языков ([Гузев 2015] для турецкого, [Филоненко 1940] для балкарского, [Сай 2009] для калмыцкого, [Данилова и др. 2004] для якутского, [Павлов 2017] для чувашского), как и в случае с уральскими, содержатся лишь отдельные комментарии относительно функции падежей. Так, в [Гузев 2015: 52] обсуждаются направительные функции дательного падежа в турецком языке, но нет подробной информации о моделях управления глаголов с контактной семантикой.

Обобщения относительно стратегий маркирования в **турецком** языке представлены в *Таблице 8* (с. 216).

В турецком языке мы наблюдаем единообразие стратегий маркирования — слабые и плотные контакты в основном требуют от ИГ со значением точки приложения дательного падежа (25) (это связано

Таблица 8. Стратегии маркирования «точных» контактных локализаций в турецком языке

Table 8. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Turkish

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	DAT	<i>dokunmak</i> ‘трогать’, 13	<i>etek</i> ‘юбка’, 4 <i>giyim</i> ‘одежда’, 4 <i>göz</i> ‘глаз’, 2 <i>el</i> ‘рука’, 1 <i>dil</i> ‘язык’, 1 <i>kulak</i> ‘ухо’, 1	13
	ACC	<i>öpmek</i> ‘целовать’, 1	<i>ayak</i> ‘стопа’, 1	1
Tight	ABL	<i>tutmak</i> ‘взять’, 4	<i>el</i> ‘рука’, 4	5
		<i>kavramak</i> ‘схватить’, 1	<i>el</i> ‘рука’, 1	
	ACC	<i>tutmak</i> ‘взять’, 3	<i>el</i> ‘рука’, 3	3
	DAT	<i>sarılmak</i> ‘ухватиться’, 2	<i>ayak</i> ‘стопа’, 1 <i>boyun</i> ‘шея’, 1	2
Deform	DAT	<i>vurmak</i> ‘ударить’, 2	<i>baş</i> ‘голова’, 1 <i>yanak</i> ‘стопа’, 1	4
		<i>tokat atmak</i> ‘дать пощечину’, 1	<i>yanak</i> ‘щека’, 1	
		<i>vuldumak</i> ‘ударять’, 1	<i>baş</i> ‘голова’, 1	
	ACC	<i>dövmek</i> ‘бить’, 1	<i>göğüs</i> ‘голова’, 1	1

с его направительными функциями, согласно [Гузев 2015: 52]). Основная стратегия для плотного контакта — аблативная (26а), а конкурирующая — аккузативная (26б) (расхождение между дативной и основной аблативной стратегией составляет 3 контекста: это не является статистически значимой разницей, но мы не будем считать данные стратегии конкурирующими). Общая стратегия, характерная для маркирования контактов в турецком языке, — **местно-исходная**:

- (25) *el-in-e dokun-unca*
рука-POSS.3SG-DAT трогать-CVB
‘коснувшись ее руки’ [Мф. 8:15]

- (26) а. *el-in-den* *tut-up*
рука-POSS.3SG-ABL взять-CVB
‘взяв ее за руку’ [Мк. 1:31]
- б. *çocuğ-un* *el-in-i* *tut-arak*
ребенок-GEN рука-POSS.3SG-ACC взять-CVB
‘взяв руку девочки’ [Мк. 5:41]

Расхождения в маркировании точки приложения при предикате плотного контакта *tutmak* ‘взять’ может быть связано с разной реализацией посессора. При аккумулятивном маркировании точки приложения мы наблюдаем конструкцию с внутренним посессором и, как следствие, двойное маркирование (генитив на посессоре и показатель посессивности на обладаемом) (26б), (27), при аблативном — конструкцию с расщепленным посессором (28) или отсутствие лексически выраженного посессора (26а).

- (27) *kız-in* *el-in-i* *tut-tu-∅*
девушка-GEN рука-POSS.3SG-ACC взять-PRET-3SG
‘взял руку девушки’ [Мф. 9:25]
- (28) *genc-i* *el-in-den* *tut-up*
молодой-ACC рука-POSS.3SG-ABL взять-CVB
‘взяв юношу за руку’ [Деян. 1:31]

Анализ контекстов для **балкарского** языка представлен в *Таблице 9* (с. 218).

Для слабых и деформирующих контактов основной стратегией маркирования контактных локализаций, как и в турецком языке, является датив (29)–(30), а для плотных контактов выбирается аблативное оформление соответствующей ИГ (31). Класс слабых контактов при этом является гомогенным. Аналогичную стратегию мы наблюдаем в турецком языке, она описывается нами как **местно-исходная**.

- (29) *ала-ны* *кёз-лер-и-не* *тий-ди*
они-GEN глаз-PL-POSS.3-DAT трогать-PST
‘прикоснулся к их глазам’ [Мф. 20:34]

- (30) *Исса-ны жаягъ-ы-на ур-ду*
Иисус-GEN щека-POSS.3-DAT бить-PST
‘ударил Иисуса по щеке’ [Ин. 18:22]
- (31) *къол-у-ндан тут-уп*
рука-POSS.3-ABL взять-CVB
‘взяв ее руку’ [Мк. 1:31]

Таблица 9. Стратегии маркирования «точных» контактных локализаций в балкарском языке

Table 9. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Balkar

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	DAT	<i>тиерге</i> ‘трогать’, 13	<i>къыйыр</i> ‘край’, 4 <i>кийим</i> ‘одежда’, 4 <i>кёз</i> ‘глаз’, 2 <i>къол</i> ‘рука’, 1 <i>тил</i> ‘язык’, 1 <i>къулакъ</i> ‘ухо’, 1	14
		<i>упна этерге</i> ‘целовать’, 1	<i>аякъ</i> ‘нога’, 1	
Tight	ABL	<i>тутаргъа</i> ‘братъ’, 8	<i>къол</i> ‘рука’, 8	8
	DAT	<i>джабышыргъа</i> ‘прилипнуть’, 1	<i>аякъ</i> ‘нога’, 1	1
Deform	DAT	<i>урургъа</i> ‘бить’, 7	<i>жаякъ</i> ‘щека’, 4 <i>баи</i> ‘голова’, 2 <i>бет</i> ‘лицо’, 1	7
	ACC	<i>тюрерге</i> ‘бить’, 1	<i>кёкюрек</i> ‘грудь’, 1	1

Общая стратегия маркирования слабых и деформирующих контактов не вполне вписывается в идею о континууме, ведь объединение не граничащих друг с другом классов нарушает важный принцип семантического картирования — принцип смежности: «Любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же грамматическим средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними» ([Татевосов 2004: 5]). В таком случае сложно описать причины выделения

промежуточных звеньев. Особенное маркирование точки приложения при предикатах плотного контакта может быть связано с направительной семантикой глаголов этой группы. В отличие от глаголов слабого и деформирующего контакта, глаголы вроде ‘брать’, ‘взять’, ‘хватать’ и др. могут описывать двунаправленное движение (как в примере (32), где после непосредственного контакта происходит еще и изменение положения посессора в пространстве):

(32) Иисус, взяв его за руку, поднял его. [Мк. 9:27]

В **калмыцком** языке так же, как в финском и эрзянском, наблюдаются различные виды оформления точки приложения в зависимости от типа контакта, что показано в *Таблице 10*.

Таблица 10. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в калмыцком языке

Table 10. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Kalmyk

Класс	Марк.	Глагол	Точка приложения	Всего
Loose	DAT	<i>һар кұрх</i> ‘тронуть’, 12	<i>хорма</i> ‘подол’, 3 <i>хувцн</i> ‘одежда’, 3 <i>һудн</i> ‘глаз’, 2 <i>һар</i> ‘рука’, 1 <i>келн</i> ‘язык’, 1 <i>чикн</i> ‘ухо’, 1 <i>көл</i> ‘нога’, 1	13
			<i>кұрх</i> ‘тронуть’, 1	
	ACC	<i>умсх</i> ‘целовать’, 1	<i>көл</i> ‘нога’, 1	1
Tight	ABL	<i>авх</i> ‘хватать’, 4	<i>һар</i> ‘рука’, 4	7
		<i>көтлх</i> ‘вести’, 2	<i>һар</i> ‘рука’, 1	
		<i>татх</i> ‘тянуть’, 1	<i>һар</i> ‘рука’, 1	
	ACC	<i>авх</i> ‘хватать’, 2	<i>һар</i> ‘рука’, 2	2
DAT	<i>теврх</i> ‘обнять’, 1	<i>күзүн</i> ‘рука’, 1	1	
Deform	INS	<i>таиш</i> ‘хлопать’, 3	<i>халх</i> ‘щека’, 3	5
		<i>цокх</i> ‘ударить’, 2	<i>толһа</i> ‘голова’, 2	
	ACC	<i>цокх</i> ‘ударить’, 2	<i>толһа</i> ‘голова’, 1 <i>өрчән</i> ‘грудь’, 1	2

Для класса слабых контактов основной стратегией маркирования является датив (33), для класса плотных — аблатив (34), а среди контекстов с деформирующим типом контактов в качестве падежного маркера контактной локализации, как правило, выступает инструменталис (35). Таким образом, в калмыцком языке наблюдается стратегия, названная нами **дифференцирующей**:

- (33) *нүд-н-д-нь* *⟨...⟩* *күрг-в*
 глаз-EXT-DAT-POSS.3 тронуть-PST
 ‘коснулся их глаз’ [Мф. 20:34]
- (34) *эмг-иг* *һар-ас-нь* *ав-ад*
 старуха-ACC рука-ABL-POSS.3 хватать-CVB
 ‘схватил старуху за руку’ [Мк. 1:31]
- (35) *халх-ар-чнь* *таиш-ла*
 щека-INSTR-POSS.2SG хлопать-REM
 ‘ударит по твоей щеке’ [Мф. 5:39]

В работе [Холодилова 2009: 86] есть таблица с информацией о распределении аблативного и инструментального маркирования точек приложения контактных глаголов и допустимостью конструкций с расщепленным посессором при каждом из анализируемых предикатов. Эти данные во многом совпадают с результатами настоящего исследования: предикаты плотного контакта (например, *tevər-* ‘обнимать’, ‘обхватывать’, *av-* ‘брат’, *bär-* ‘держат’, *sornсэ-* ‘притянуть’) избирают аблативную стратегию, а предикаты деформирующего контакта (например, *сokə-* ‘бить’ и *iškəl-* ‘лягать’) — инструментальную.

Нас, в частности, интересовало, влияет ли контактная семантика глагола на выбор стратегии маркирования точки приложения. На основе данных калмыцкого языка можно сделать вывод, что изучаемый признак (контактная семантика предиката) является релевантным при выборе падежного маркирования точки приложения (мы наблюдаем дифференцирующую стратегию), однако в работе [Холодилова 2009: 90] приводится анализ более объемной выборки контактных глаголов и делается следующий вывод: «Способ оформления обладаемого ⟨...⟩ не является свойством глагольной лексики, а определяется характером обозначаемой

ситуации (который часто, но не всегда зависит от глагола)». Это указывает на необходимость расширения изучаемых контекстов и увеличения количества рассматриваемых контактных предикатов каждого типа.

Аккузативное маркирование точки приложения при предикате плотного контакта *авх* ‘хватать’ сопровождается наличием притяжательного местоимения или генитивной ИГ в роли посессора (36). В случае с аблативным маркированием точки приложения мы наблюдаем расщепление посессора (37).

(36) *терү-нэ* *һар-и-нь* *авх-ла*
она-GEN рука-ACC-POSS. хватать-REM
‘схватил ее руку’ [Мф. 8:15]

(37) *эмг-иг* *һар-ас-нь* *ав-ад*
старуха-ACC рука-ABL-POSS.3 хватать-CVB
‘схватил старуху за руку’ [Мк. 1:31]

Аккузативное маркирование точки приложения при предикате деформирующего контакта *цокх* ‘ударить’ подразумевает отсутствие лексически выраженного посессора:

(38) *өрч-ән* *цок-ад*
грудь-REFL.ACC ударить-CVB
‘ударяя себя в грудь’ [Лк. 18:13]

Статистические обобщения для **якутского** языка представлены в *Таблице 11*.

В якутском языке все три типа контактов маркируются различными падежами, класс слабых контактов при этом оказывается гомогенным. Основной падеж, маркирующий слабый контакт, — аккузатив (39). Для плотных контактов характерна элативная стратегия (40), а для деформирующих — дативная (41). Таким образом, мы наблюдаем **дифференцирующую** стратегию маркирования «точечных» контактных локализаций:

(39) *кيني-лэр* *харах-тары-н* *таарый-ан*
он-PL глаз-POSS.3PL-ACC прикасаться-CVB
‘коснувшись их глаз’ [Мф. 9:29]

- (40) *кيني-ни илии-ти-ттэн ыл-ан*
она-GEN рука-POSS.3[SG]-EL взять-СВВ
'взяв ее руку' [Мк. 1:31]
- (41) *төбө-бө охсуолаа-быт-тара*
голова-DAT/LOC удариться-PQP-POSS.3PL
'били по голове' [Мк. 15:19]

Таблица 11. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в якутском языке

Table 11. Marking strategies of the 'pinpoint' contact localizations in Yakut

Класс	Марк.	Глаголы	Точка приложения	Всего
Loose	ACC	<i>таарый-</i> 'прикасаться', 13	<i>тэллэх</i> 'подол', 4 <i>танас</i> 'одежда', 4 <i>харах</i> 'глаз', 2 <i>илии</i> 'рука', 1 <i>тыл</i> 'язык', 1 <i>кулгаах</i> 'ухо', 1	14
		<i>уураа-</i> 'целовать', 1	<i>атах</i> 'нога', 1	
Tight	EL	<i>ыл-</i> 'взять', 4	<i>илии</i> 'рука', 4	7
		<i>кууһан ыл-</i> 'обнять', 1	<i>моой</i> 'шея', 1	
		<i>тарт-</i> 'тянуть', 1	<i>илии</i> 'рука', 1	
		<i>тут-</i> 'хватать / держать', 1	<i>илии</i> 'рука', 1	
	ACC	<i>куус-</i> 'обнять', 1	<i>атах</i> 'нога', 1	1
Deform	DAT	<i>охсулун-</i> 'удариться', 6	<i>сирэй</i> 'лицо', 3 <i>төбө</i> 'голова', 2 <i>иэдэс</i> 'щека', 1	7
		<i>оһус-</i> 'бить', 1	<i>иэдэс</i> 'щека', 1	
	ACC	<i>кырбаа-</i> 'бить', 1	<i>түөс</i> 'грудь', 1	1

Чувашский язык демонстрирует гомогенное маркирование для всех трех типов контактов, что видно из *Таблицы 12*.

Таблица 12. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в чувашском языке

Table 12. Marking strategies of the ‘pinpoint’ contact localizations in Chuvash

Класс	Марк.	Глаголы	Точка приложения	Всего
Loose	ОВЈ	<i>сёртён</i> ‘прикасаться’, 13	<i>аркă</i> ‘подол’, 4 <i>тумтир</i> ‘одежда’, 4 <i>куç</i> ‘глаз’, 2 <i>алă</i> ‘рука’, 1 <i>чĕлхе</i> ‘язык’, 1 <i>чикн</i> ‘ухо’, 1	13
Tight	АВЛ	<i>тыт</i> ‘хватать’, 7	<i>алă</i> ‘рука’, 6 <i>ура</i> ‘нога’, 1	9
		<i>çавăт</i> ‘вести’, 1	<i>алă</i> ‘рука’, 1	
		<i>хур</i> ‘положить’, 1	<i>алă</i> ‘рука’, 1	
Deform	АВЛ	<i>çунса яр</i> ‘ударить’, 5	<i>пит</i> ‘лицо’, 3 <i>ен</i> ‘край’, 2	7
		<i>çап</i> ‘бить’, 2	<i>пуç</i> ‘голова’, 2	

Для слабых контактов характерно маркирование падежом прямого дополнения (42), в грамматиках называемым дативом-аккузативом или дательным-винительным падежом [Павлов 2017: 68]. Плотные и деформирующие контакты маркируются аблативом (43)–(44). Такая стратегия получила название **исходно-пациентивной**:

- (42) *хĕрарăм-ăн ал-ин-е сёртён-нĕ*
 женщина-GEN рука-POSS.3SG-ОВЈ прикоснуться-PTCP
 ‘коснувшись руки женщины’ [Мф. 8:15]
- (43) *ал-ин-чен тыт-нă*
 рука-POSS.3SG-АВЛ хватать-PTCP
 ‘взяв за руку’ [Мф. 9:25]
- (44) *хăвн-а сылтăм ен-чен çун-са*
 ты_сам-ОВЈ правый край-POSS.3SG-АВЛ хлопнуть-СВВ
яр-акан-а
 пускать-PTCP.PRS-ОВЈ
 ‘ударяющему тебя по правой щеке’ [Мф. 5:39]

Исходя из описанных выше закономерностей падежного маркирования разных типов контактов в алтайских языках, можно заключить, что для слабых контактов характерно дативное маркирование (это демонстрируют все языки, кроме якутского, где данный тип контактов маркируется аккузативом), а для плотных — аблативное (в турецком языке данная стратегия конкурирует с аккузативной). Единообразия не наблюдается в классе деформирующих контактов, где три из пяти языков демонстрируют дативную стратегию маркирования (балкарский, турецкий и якутский), а два других — либо аблативную (чувашский), либо конкурирующие друг с другом аккузативную и инструментальную (калмыцкий). Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в алтайских языках представлены в *Таблице 13*.

Таблица 13. Стратегии маркирования «точечных» контактных локализаций в алтайских языках

Table 13. Marking strategies for ‘pinpoint’ contact localizations in Altaic languages

Язык	Слабый	Плотный	Деформирующий
турецкий	DAT (13/14)	ABL (5/10), ACC (3/10)	DAT (4/5)
балкарский	DAT (14/14)	ABL (8/9)	DAT (7/8)
калмыцкий	DAT (13/14)	EL (7/10)	INSTR (5/7)
якутский	ACC (14/14)	ABL (7/8)	DAT (7/8)
чувашский	ОВЛ (13/13)	ABL (9/9)	ABL (7/7)

5. Выводы

На материале корпуса переводов Нового Завета мы рассмотрели конструкции с глаголами контакта в пяти уральских (финский, венгерский, эрзянский, луговой марийский, карельский) и пяти алтайских языках (турецкий, калмыцкий, якутский, чувашский, балкарский) и обсудили, влияет ли степень интенсивности контакта

на выбор стратегии маркирования. Разработанный терминологический аппарат (наименование стратегий маркирования в соответствии с семантическими ролями, закрепленными за отдельными падежами / адлогами) может использоваться для дальнейшего типологического описания семантической зоны контакта. Проанализировав собранные данные, можно сделать вывод о достоверности выдвинутой гипотезы о существовании контактного континуума. Тем не менее данное семантическое свойство контактных глаголов не всегда проявляется в полной мере и не во всех случаях оказывает влияние на выбор падежного маркирования точки приложения.

В некоторых языках (финский, мордовский, калмыцкий, якутский) мы наблюдаем дифференцирующие стратегии маркирования, демонстрирующие однозначное грамматическое и семантическое различие между глаголами всех трех классов (их управление различается: это может говорить о том, что оно мотивировано характером действия, то есть особенностями контактной семантики).

В группе языков, где падежное маркирование совпадает в двух из трех типов контекстов (карельский, чувашский, балкарский), имеет смысл говорить лишь о частичном выделении рассматриваемого признака, основанного на степени интенсивности контакта (при этом в карельском мы наблюдаем конкурирующую дифференцирующую стратегию маркирования). В случае противопоставления двух соседних типов какому-либо крайнему, выделение соответствующего признака кажется более релевантным (учитывая принцип семантического картирования), чем в случае совпадения слабого и деформирующего типов. Так, в чувашском — слабые противопоставлены плотным и деформирующим; в балкарском и карельском наблюдается нетривиальная ситуация, где общим падежным маркированием объединены слабые и деформирующие контакты, а в контекстах с плотными контактами избирается индивидуальная стратегия.

Для тех языков, где все три глагольных класса маркируются одинаково (в нашем случае это венгерский, но даже в нем мы наблюдаем конкурирующие стратегии маркирования плотных контактов, что позволяет нам отнести данный язык ко второй группе и считать изучаемый признак частично выделяемым), выделенный

грамматико-семантический признак контактных глаголов оказывается нерелевантным.

Приложение

Контактные контексты, отобранные на материале русского языка (Синодальный перевод)

1	Мф. 5:39	А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую <...>
2	Мф. 8:15	<...> И коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им.
3	Мф. 9:20	И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды Его <...>
4	Мф. 9:21	<...> Ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею.
5	Мф. 9:25	Когда же народ был выслан, Он, войдя, взял ее за руку , и девица встала.
6	Мф. 9:29	Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам.
7	Мф. 14:36	<...> И просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись.
8	Мф. 20:34	Иисус же, умилосердившись, прикоснулся к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним.
9	Мф. 27:30	<...> И плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове .
10	Мф. 28:9	Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему.
11	Мк. 1:31	Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку ; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им.
12	Мк. 5:27	<...> Услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его <...>

13	Мк. 5:28	⟨...⟩ Ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь , то выздоровею.
14	Мк. 5:30	В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?
15	Мк. 5:41	И, взяв девицу за руку , говорит ей: «талифа куми», что значит: девица, тебе говорю, встань.
16	Мк. 6:56	И куда ни приходил Он, в селения ли, в города ли, в деревни ли, клали больных на открытых местах и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его; и которые прикасались к Нему, исцелялись.
17	Мк. 7:37	⟨Иисус⟩, отведя его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его ⟨...⟩
18	Мк. 8:23	Он, взяв слепого за руку , вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что?
19	Мк. 9:27	Но Иисус, взяв его за руку , поднял его; и он встал.
20	Мк. 14:65	И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам .
21	Мк. 15:19	И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему.
22	Лк. 6:29	Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку.
23	Лк. 7:45	⟨...⟩ Ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги ⟨...⟩
24	Лк. 8:44	⟨...⟩ Подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у ней остановилось.
25	Лк. 8:54	Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку , возгласил: девица! встань.
26	Лк. 15:20	Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.

27	Лк. 18:13	Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь , говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!
28	Лк. 22:51	Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его.
29	Лк. 22:64	⟨...⟩ И, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя?
30	Ин. 18:22	Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке , сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику?
31	Деян. 3:7	И, взяв его за правую руку , поднял; и вдруг укрепились его ступни и колени ⟨...⟩
32	Деян. 23:19	Тысяченачальник, взяв его за руку и отойдя с ним в сторону, спрашивал: что такое имеешь ты сказать мне?

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; AD — адессив; ALL — аллатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; OBJ — датив-аккузатив; DEF — определенный артикль; EVD — косвенная засвидетельствованность; EL — элатив; ESS — эссив; EXT — неустойчивое *n*; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMPF — имперфект; INF — инфинитив; INS — инструменталис; NOM — номинатив; POSS — посессивность; PART — партитив; PL — множественное число; PQP — плюсквамперфект; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REM — отдаленное прошедшее время; SG — единственное число; SUPER — суперэссив.

Литература

- Ганенков 2005 — Д. С. Ганенков. «Контактные» локализации в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 100–116.
- Гузев 2015 — В. Г. Гузев. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015.

- Давидюк, Студеникина 2019 — Т. И. Давидюк, К. А. Студеникина. Элативный показатель и значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ в горномарийском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Т. 15. Ч. 2. С. 60–85. DOI: 10.30842/alp2306573715203.
- Данилова и др. 2004 — Н. И. Данилова, Н. И. Попова, Н. Н. Ефремов. Курс якутской грамматики. Система грамматических категорий и синтаксических конструкций. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004.
- Елисеев 1993 — Ю. С. Елисеев. Финский язык // В. Н. Ярцева (ред.) *Языки мира. Уральские языки*. М.: Наука, 1993. С. 90–115.
- Зайков 1999 — П. М. Зайков. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск: Периодика, 1999.
- Коведяева 1976 — Е. И. Коведяева. Марийский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Р. Карой (ред.). *Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки*. М.: Наука, 1976. С. 3–96.
- Коляденков, Цыганов 1949 — М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов. *Эрзянско-русский словарь*. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.
- Майтинская 1995 — К. Е. Майтинская. Венгерский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология. М.: Издательство Академии наук СССР, 1995.
- Павлов 2017 — И. П. Павлов. Современный чувашский язык: монография: в 2 т. Т. 2: Морфология. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2017.
- Плунгян, настоящий сборник — В. А. Плунгян. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // *Настоящий сборник*.
- Сай 2009 — С. С. Сай. Грамматический очерк калмыцкого языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Т. V. Ч. 2. С. 622–709.
- Сай 2018 — С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018.
- Студеникина 2023 — К. А. Студеникина. Валентностные классы двухместных предикатов. Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова (ред.). *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. М.: Буки Веди, 2023. С. 478–494.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Семантическое картирование: метод и теория // *Вестник Московского университета*. Сер. 9: Филология. 2004. № 1. С. 27–42.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: Издательство РГГУ, 2001.

- Филоненко 1940 — В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка: фонетика и морфология. М.: Кабардино-балкарское государственное издательство, 1940.
- Холодилова 2009 — М. А. Холодилова. Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2009. Т. V. Ч. 2. С. 76–93.
- Comrie, Malchukov 2015 — B. Comrie, A. Malchukov. Valency classes in the world's languages. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. DOI: 10.1515/9783110338812.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space // Letras de Hoje. 2016. Vol. 51. № 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Hartmann et al. 2013 — I. Hartmann, M. Haspelmath, B. Taylor (eds.). Valency Patterns Leipzig online database. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://valpal.info> (дата обращения: 30.05.2022).
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. Munich: Lincom Europa, 1997.
- Levin 2012 — B. Levin. Slap, give a slap, slap a slap: Crosslinguistic diversity in hitting events description. Paper presented at Tenth Biennial Conference of the High Desert Linguistics Society. University of New Mexico, Albuquerque, NM, November 1–3, 2012.
- Luraghi, Huumo 2014 — S. Luraghi, T. Huumo (eds.). Partitive Cases and Related Categories. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

Источники

- ФПБ — Kirikko Raamattu (Библия на финском языке) YouVersion (электронный ресурс). URL: <https://www.bible.com/am/bible/330/MAT.1.FB92> (дата обращения: 19.08.2021).
- КарПБ — Biblia vienankarjalaksi (Библия на карельском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/viena/40_Mat01_na.html (дата обращения: 19.08.2021).
- ЭПБ — Библия эрзяк (Библия на эрзянском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/erzya/40_Mat01_na.html (дата обращения: 19.08.2021).
- МБП — Библия марла (Библия на луговом марийском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: http://finugorbib.com/bible/meadow_mari/40_Mat01_na.html (дата обращения: 20.08.2021).

- ВПБ — Biblia magyarul (Библия на венгерском языке). Библия Онлайн (электронный ресурс). URL: <https://www.online-biblia.ro/bible> (дата обращения: 20.08.2021).
- ТПБ — Biblia türk dili (Библия на турецком языке). Библия Онлайн (электронный ресурс). URL: <https://only.bible/bible/tur/> (дата обращения: 21.08.2021).
- БПБ — Библия малкъар тил (Библия на балкарском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=BLK> (дата обращения: 21.08.2021).
- ЯПБ — Библия саха тыла (Библия на якутском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=YKT> (дата обращения: 22.08.2021).
- ЧПБ — Библия чăвашла (Библия на чувашском языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=CHV> (дата обращения: 22.08.2021).
- КалПБ — Библия хальмг келн (Библия на калмыцком языке). Институт перевода Библии (электронный ресурс). URL: <https://ibt.org.ru/ru/media?id=KAL> (дата обращения: 23.08.2021).

References

- Comrie, Malchukov 2015 — B. Comrie, A. Malchukov. *Valency classes in the world's languages*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. DOI: 10.1515/9783110338812.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. No. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Danilova et al. 2004 — N. I. Danilova, N. I. Popova, N. N. Yefremov. *Kurs yakutskoy grammatiki. Sistema grammaticheskikh kategoriy i sintaksicheskikh konstrukt-siy* [Yakut grammar course. System of grammatical categories and syntactic constructions]. Yakutsk: Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), 2004.
- Davidyuk, Studenikina 2019 — T. I. Davidyuk, K. A. Studenikina. Elativnyy pokazatel i znachenije TOCHKI PRILOZHENIYA v gornomariyskom yazyke [Elicative marker in construction with physical contact verbs in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. XV. Pt. 2. P. 60–85. DOI: 10.30842/alp2306573715203.
- Filonenko 1940 — V. I. Filonenko. *Grammatika balkarskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Balkar language: phonetics and morphology]. Moscow: Kabardino-Balkarian State Publishing House, 1940.

- Ganenkov 2005 — D. S. Ganenkov. “Kontaktnyye” lokalizatsii v nakhsko-dagestanskikh yazykakh [“Contact” localizations in the Nakh-Dagestan languages]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2005. No. 3. P. 100–116.
- Guzev 2015 — V. G. Guzev. *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Turkish language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2015.
- Hartmann, Haspelmath, Taylor 2013 — I. Hartmann, M. Haspelmath, B. Taylor (eds.). *Valency Patterns Leipzig online database*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://valpal.info> (accessed on 30.05.2022).
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From space to time: Temporal adverbials in the world's languages*. Munich: Lincom Europa, 1997.
- Kholodilova 2009 — M. A. Kholodilova. Konstruktsiya s periferiynym obladayemym v kalmyskom yazyke [External possession constructions in the Kalmyk language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. Pt. 2. P. 76–93.
- Kolyadenkov, Tsyganov 1949 — M. N. Kolyadenkov, N. F. Tsyganov. *Erzyansko-russkiy slovar* [Erzya-Russian dictionary]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1949.
- Kovedyayeva 1976 — E. I. Kovedyayeva. Mariyskiy yazyk [Mari language]. V. I. Lytkin, K. E. Maytinskaya, R. Karoy (eds.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Mariyskiy, permskiye i ugorškiye yazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1976. P. 3–96.
- Levin 2012 — B. Levin. *Slap, give a slap, slap a slap: Crosslinguistic diversity in hitting events description*. Paper presented at Tenth Biennial Conference of the High Desert Linguistics Society. University of New Mexico, Albuquerque, NM, November 1–3, 2012.
- Luraghi, Huomo 2014 — S. Luraghi, T. Huomo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Maytinskaya 1995 — K. E. Maytinskaya. *Vengerskiy yazyk. Chast 1: Vvedeniye. Fonetika. Morfologiya* [Hungarian. Pt. 1. Introduction, Phonetics, Morphology]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1995.
- Pavlov 2017 — I. P. Pavlov. *Sovremennyy chuvashskiy yazyk: monografiya: v 2 t. Tom 2: Morfologiya* [Modern Chuvash language: monograph: in 2 vols. Vol. 2: Morphology]. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities Press, 2017.
- Plungian, this volume — V. A. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammaticheskaya baza dannyykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (predisloviye)* [The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.

- Say 2009 — S. S. Say. Grammaticheskiy ocherk kalmytskogo yazyka [Grammar essay on the Kalmyk language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. Pt. 2. P. 622–709.
- Say 2018 — S. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikativ v raznostrukturykh yazykakh* [Valency classes of two-place predicates]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 2018.
- Studenikina 2023 — K. A. Studenikina. Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikativ v gornomariyskom yazyke [Valency classes of two-place predicates in Hill Mari]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Vinkler, T. I. Davidiyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). *Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskom osveshhenii* [Elements of the Hill Mari language in typological covering]. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 478–494.
- Tatevosov 2004 — S. G. Tatevosov. Semanticheskoye kartirovaniye: metod i teoriya [Semantic mapping: method and theory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*. 2004. No. 1. P. 27–42.
- Testeleets 2001 — Ya. G. Testeleets. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2001.
- Yeliseyev 1993 — Yu. S. Yeliseyev. Finskiy yazyk [Finnish language]. V. N. Yartseva (ed.). *Yazyki mira. Uralskiye yazyki* [Languages of the world. Uralic languages]. Moscow: Nauka, 1993. P. 90–115.
- Zaykov 1999 — P. M. Zaykov. *Grammatika karelskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Karelian language: phonetics and morphology]. Petrozavodsk: Periodika, 1999.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 08.09.2022